

Тува: диалог культур в прошлом и настоящем (На материалах книги Отто Менхен-Хельфена «Путешествие в азиатскую Туву»)

*Монгуш М.В.,
д.и.н., ведущий научный сотрудник
Российского института культурологии*

В основу статьи легла книга немецкого путешественника Отто Менхен-Хельфена, посетившего Туву в 1929 г. Автор исследует сложные взаимоотношения Тувы с Китаем, Россией и Тибетом в прошлом и в настоящем. Статья выстроена по принципу «как было при Менхен-Хельфене» и «как стало сейчас». Основное внимание уделено диалогу тувинской культуры с китайской, русской и тибетской культурами в различных аспектах. Статья также основана на архивных документах и полевых материалах автора.

Ключевые слова: путешествие, диалог культур, Россия, Тува, Китай, Тибет, межэтнические отношения, сотрудничество.

The article is based on the book of the German traveller Otto Menkhen-Khelfen, who visited Tuva in 1929. The author investigates complex relations of Tuva with China, Russia and Tibet in the past and present. The paper follows the principle

«What was at Menkhen-Khelfen`s time?» and «What happens now?» The main subjects of analysis is the dialogue of Tuvan culture with Chinese, Russian and Tibet cultures in different aspects. The article also is based on archive documents and field-work materials of the author.

Key words: travel, dialogue of cultures, Russia, Tuva, China, Tibet, cross ethnic relations, collaboration.

Историческая справка

Тува расположена в центре Азиатского материка, занимает территорию 170,3 тыс. кв.км, с юга граничит с Монголией. Численность тувинцев, по данным переписи 2002 г., 244.000 человек, что составляет подавляющее большинство (около 70%) жителей республики (общая численность свыше 310.000 чел). Часть тувинцев проживает за пределами России: в Монголии (около 12 тыс. чел) и Китае (более 4 тыс. чел) [1].

До середины IX в. территория Тувы входила в состав Тюркского и Уйгурского кагана-

тов. В начале XIII в. была завоевана монголами, а в ХУШ – маньчжурами, то есть Цинской династией Китая. После свержения в 1911 г. маньчжурского ига Тува, именовавшаяся в то время Урянхайским краем, была принята под протекторат России, а позже в 1921 г. в результате национально-освободительной революции провозглашена Народной Республикой. В октябре 1944 г. Тува вошла в состав СССР на правах автономии; после распада СССР в 1991 г. преобразована в Республику Тува в составе Российской Федерации. Официальной религией тувинцев является буддизм традиции Махаяны, традиционным верованием – шаманизм.

* * *

Книги, посвященные тем или иным поездкам и путешествиям, обладают удивительной особенностью: они позволяют современникам совершить экскурс в прошлое той или иной страны и народа, ее населяющего. Чем старше книга, тем она ценнее и ее, как правило, трудно достать.

О книге немецкого путешественника Менхен-Хельфена «Путешествие в азиатскую Туву» (издана в 1931 г. в Берлине) я впервые узнала в 1985 году, однако прочитать ее удалось только в 2008 году. Русский перевод книги хранится в Архиве внешней политики Российской Федерации (ВНПРФ) в Москве [2].

Из книги стало известно, что поездка Менхен-Хельфена в Туву состоялась в августе 1929 года. Автор с некоторым сожалением констатирует, что за всю поездку с ним «не случилось ни одного приключения, достойного приличного путешественника», разбойники на него не нападали, песком его не заносило, страдать от голода не пришлось, а «вода всегда находилась в достаточном количестве». Вместе с тем он признает, что некоторые дискомфортные ситуации с ним все же случались. Например, он с трудом привыкал к верховой езде, которая поначалу была для него «сплошным мучением». Ему сложно было снимать тувинцев, потому что те бежали от его фотоаппарата словно от черта. А тувинская молочная водка – арага, которой его часто угощали, вовсе показалась ему отвратительной, по виду

она больше напоминала «грязную воду», а по запаху – «раствор мыла в спирте» [3].

Книга написана живым языком, а потому она читается легко. Местами тон автора становится шутливо-ироничным, местами саркастичным. Все, о чем в ней повествуется, по большому счету не имеет серьезного научного характера. Автор с одной темы перескакивает на другую; часто высказывает противоречивые мнения; некоторые его выводы поверхностны и ошибочны. Наверно это неудивительно для человека, который ехал в «затерянный уголок Центральной Азии» скорее как авантюрист, чем серьезный исследователь. Сначала, как он сам признается, его интересовали только шаманизм и петроглифы, но по ходу поездки он увлекся политическими событиями в Туве. Попутно внимание Менхен-Хельфена привлекают самые разные темы: оленеводство и охота, тувинская одежда и пища, буддийские праздники, тибетская медицина, китайская и русская торговля и многое другое [4]. Писать обо всем понемногу и в то же время ни о чем по существу – вот, пожалуй, характерная особенность его работы.

Однако ценность книги Менхен-Хельфена состоит в том, что она написана очевидцем-иностранцем, одним из первых посетивших Туву в то далекое время. К тому же она содержит немало интересных фактов, взглянув на которые с позиций сегодняшнего дня, понимаешь, как много с тех пор изменилось в Туве. Сегодня мы живем в совершенно иной реальности. Тува, которую увидел Менхен-Хельфен, осталась в прошлом веке. Сегодня эта маленькая республика живет новой жизнью, в которой так много отголосков того времени, о котором живописал немецкий путешественник. В настоящей статье мы подробно остановимся на тех моментах, которые имеют непосредственное отношение к так называемому диалогу культур. Основными объектами исследования станут тувинско-китайские, тувинско-русские и тувинско-тибетские взаимоотношения в прошлом и в настоящем. Книга Менхен-Хельфена в этом смысле стала для нас отправной точкой.

Современный буддистский храм в Кызыле

Тувинско-китайские отношения

К тому времени, когда Менхен-Хельфен приехал в Туву, китайское присутствие в крае было уже незначительным, более того, оно из года в год убывало. Об этом, как он считает, свидетельствовало уменьшение китайских товаров на тувинском потребительском рынке. «В настоящее время китайский торговец исчез из Тувы вследствие политических соображений, — пишет он, — ... последние запасы далембы кончаются». Тувинцы испокон веков шили себе верхнюю одежду из далембы, которую покупали у китайских купцов. Последние ткали ее на своих станках в Чили и Шаньси, а оттуда «материал, переходя из рук в руки, добирался до отдаленных юрт Тувы». «Какой материал принужден брать тувинец?» — задается вопросом Менхен-Хельфен и сам же отвечает на него: «Он принужден покупать сомнительную ткань русских текстильных фабрик Ивано-Вознесенска. Там русский текстильный трест изготавливает материал, имеющий некоторое сходство с далембой, но настолько дорогое и хуже (по качеству — М.М), что тувинцы со вздохом вспоминают далембу

прежних времен... С тех пор, как русские закрыли ввоз из Китая, прекратилась торговля шелками. Раньше женщины на груди украшали свои верхние одежды пестрыми шелковыми лентами и кусочками шелковой материи. Теперь этого больше нет. Россия не производит никаких шелков, таким образом исчезает и это украшение... Так же исчезают понемногу старинные шляпы. Тувинцы носят разнообразные головные уборы. Они знакомы со всеми уборами из Китая и Монголии... Раньше они имели огромный выбор, в настоящее время ничего. Госторг и Тувинценкооп не торгуют никакими монгольскими и китайскими шляпами. Истинные приверженцы правящей партии, как ученики партшколы и чиновники носят русские фуражки, а остальные довольствуются куском ситца вокруг головы — больше достать ничего нельзя... Тувинец может ко всему привыкнуть: что не шьет себе больше одежды из далембы, что должен повязать голову ситцевым платком, который скорее подходит к русской бабе, чем к коричневому монгольскому лицу, но что он не курит больше своего любимого табака, для него большой

удар. Этот сладковатый, крепкий китайский табак, к которому примешивают еще различные пахучие вещества. Теперь он почти совсем исчез» [5].

Кроме далембы, шелка и табака, огромным спросом у населения пользовались также ножи, табакерки и курительные трубки. Менхен-Хельфен обратил внимание, что все тувинские мужчины носят на пряжке огниво и нож. То, что ножи у них китайского производства, можно было легко определить по их обработке и специальному приспособлению (футляру – М.М.) к нему, в котором хранились палочки для еды. Ножи эти были довольно длинными и широкими; мужчины с одинаковым успехом могли ими колоть дрова и рубить мясо.

Каждый мужчина при себе имел также табакерку и трубку. То и другое завозились в большом количестве из Китая. Менхен-Хельфен признается, что не мог представить себе тувинца без нюхательного табака и любимой трубки – *дунза*. В Туве курили практически все: и мужчины, и женщины, и подростки. Только при верховой езде никто не курил [6].

Другими китайскими товарами, пользовавшимися широким спросом в Туве, были чай, сахар, свинец, порох, свечи, железо, котлы, фарфоровая посуда и др. Стоили они по тем временам недешево. Например, китайский табак стоил 2 рубля 10 копеек, один метр далембы – 2 рубля 30 копеек, сахар – 78 копеек, свечи – 70 копеек, свинец – 40 копеек, порох – 1 рубль 50 копеек, железные листовки – 1 рубль 60 копеек [7].

Однако китайская торговля в Туве отнюдь не носила односторонний характер. Неверно полагать, что китайцы привозили свой товар, а тувинцы их скупали у них. Было и наоборот: китайцы приобретали у местного населения весьма специфические товары. Менхен-Хельфен пишет, что особым спросом у китайцев пользовались маральи рога; за новые, которые еще наполнены кровью, они платили баснословные деньги; затем они их переправляли в Китай, где из них изготавливали медицинские препараты. Он также пишет о китайце, владельце частного

фотоателье (ранее упомянутом) и небольшой гостиницы в Кызыле. В его мастерской висело несколько маральных рогов. «За очень хорошие он платил по 300 рублей, – пишет он, – а в прошлом году он за исключительные по красоте рога заплатил 480 рублей. За какие же деньги он их перепродавал, он мне не сказал». Этот китаец жаловался Менхен-Хельфену «на упадок верования, честности и верности у так называемых раньше честных тувинцев». Они, по его мнению, за последнее время так испортились, что научились делать разные махинации. Например, прежде чем продать рога, они предварительно держали их в воде, чтобы те стали тяжелее. Самое интересное, что этому способу «они научились у самих же китайцев, которые прибегают и еще к другим более тонким приемам» [8].

Оценив ценность маральных рогов, примеру тувинцев следовали и русские. Они специально начали разводить маралов, которых держали в особых загонах. Особенно много было таких загонных вблизи Кызыла и Турана. Весной у животных спиливали рога, если они были великолепны, то доход с них компенсировал неурожай.

После Менхен-Хельфена китайского присутствия в Туве не наблюдалось несколько десятилетий. Тому способствовали объективные обстоятельства: вхождение Тувы в состав Советского Союза в 1944 году; ухудшение отношений между СССР и Китаем в 1950-80-х годах; железный занавес, не позволявший, с одной стороны, кому бы то ни было въезжать в Союз без надлежащих на то оснований, с другой – свободно выезжать советским гражданам из страны.

Такое положение сохранялось вплоть до распада СССР. Российско-китайские отношения стали возобновляться только в начале 1990-х годов. С этого времени китайцы начали медленно, но верно осваивать постсоветское пространство, в первую очередь Дальний Восток и Сибирь. Начав свою деятельность в России с челночного бизнеса, китайцы постепенно расширяют сферу своего влияния на российском рынке. Эта тенденция не обходит стороной и Туву. Отсутствие железной дороги

в край не становится препятствием для предпринимчивых деловых людей из Китая.

Так, в апреле 2006 года состоялся аукцион по продаже лицензии на освоение Кызыл-Таштыгского месторождения полиметаллических руд в Тоджинском кожууне Республики Тува. Известно, что данное месторождение содержит большие запасы цинка и свинца, которые в настоящее время пользуются высоким спросом на мировом рынке. Китайская компания ООО «Лунсин» (г.Новосибирск), за которой стоят деньги китайской энергетической и химической корпорации Sinopac, получила за 740 млн. рублей право на разработку этого месторождения сроком на 25 лет.

В августе этого же года в Доме правительства состоялась встреча руководителей республики с представителями этой компании. Китайскую сторону на ней представляли Чан Чию, главный управляющий по освоению ресурсов за рубежом, председатель сибирско-китайского торгово-промышленного союза; Чэнь Цзинцзе и Хан Чженсин, руководители комиссии по запросу и аргументации специалистов. Представители компании сообщили тувинскому правительству о начале проектных работ и проведенных переговорах с проектными институтами Москвы и Екатеринбурга.

Визит представителей китайской компании в Туву был связан с решением ряда вопросов: транспортной и энергетической инфраструктуры, строительства и размещения складских помещений, привлечения квалифицированных кадров, открытия представительства компании в Кызыле. Китайская сторона взяла на себя обязательства учитывать строжайшие экологические требования, предъявляемые тувинской стороной. Однако обе стороны сошлись в едином мнении, что деятельность ООО «Лунсин» принесет взаимную пользу, т.к. корпорация станет одним из крупнейших налогоплательщиков и, согласно договоренности, примет участие в социально-экономическом развитии Тоджинского кожууна, организации рабочих мест, в том числе, обучения и подготовке кадров из числа местных жителей.

Однако начало работ по освоению тувинских недр китайскими силами усложняется из-за крайне остро стоящей энергетической проблемы в Туве. Между тем удовлетворение потребности в энергии для китайской стороны крайне важно, так как Кызыл-Таштыгское месторождение должно быть введено в эксплуатацию, по условиям договора, до 2011 года. Однако и тут китайские промышленники проявили инициативу: они готовы вложить в строительство теплоэлектростанции в Туве до 315 млн. долларов, то время как месторождение полиметаллических руд требует несколько меньших инвестиций – около 200 млн. [9].

Не имея возможности решить энергетическую проблему в Туве силами российских энергетиков, тувинское правительство вынуждено обсуждать с китайской стороной возможность ее участия в строительстве топливно-энергетической станции на Каа-Хемском угольном разрезе. По их предварительным расчетам, на строительство угольной станции может потребоваться минимум три года.

Подавляющему большинству простых тувинцев предстоящая деятельность китайской компании на территории Тувы представляется серьезной угрозой как экологического, так и стратегического характера. Главный их аргумент состоит в том, что «бескорыстные» инвестиции китайских промышленников для Тувы могут откликнуться в будущем. Получив серьезное преимущество в регионе, Китаю будет проще взяться за освоение других месторождений, а также за геологоразведку. А когда проект строительства железной дороги до Кызыла будет подходить к реализации, представители КНР могут предложить протянуть ее дальше – в Монголию, а оттуда и до Поднебесной недалеко. А это прямой путь к китайской экспансии, противостоять которой будет нелегко.

Если к этому добавить еще тот факт, что в последнее время престижными мужьями для тувинок становятся китайцы, то избежать ассимиляции и депопуляции тувинского общества в будущем будет довольно сложно.

К тому же следует заметить, что на фоне тувинских мужчин с невысоким адаптивным потенциалом, с которым крайне сложно выжить в условиях глубоких трансформаций в обществе, китайцы выглядят весьма выигрышно. Когда женщин, вышедших замуж за китайцев, спросили, почему их выбор пал именно на них, все без исключения ответили: «Китайский муж лучше тувинского, потому что не пьет, много работает, обеспечивает семью, заботится о детях». Но китаец по сравнению с тувинцем, да и с тем же русским, не только надежный семьянин, он также удачливый предприниматель, готовый работать 24 часа в сутки ради достижения поставленной цели. Открыв свое дело в Туве, он принимает на работу родственников жены, а в случае необходимости вызывает свою родню из Китая, которую также привлекает к общему бизнесу. Так возникают тувинско-китайские родственные связи, коими тувинцы предпочитают гордиться, несмотря на историческую память, в которой китайцы запечатлелись как люди, беспощадно обиравшие и эксплуатировавшие их предков.

Тувинско-китайские контакты дополняются также регулярными поездками тувинцев в Китай. Так, каждую неделю совершаются автобусные экскурсии из Кызыла в Маньчжурю; ежегодно организуются групповые поездки на курорты Поднебесной; участились частные визиты к родственникам в Китай, которые обосновались там благодаря заключению брака с гражданами этой страны.

Для обсуждения вопросов двустороннего сотрудничества в Китай направляются специальные правительственные делегации из Тувы. С этой же целью Туву регулярно посещают представители китайской стороны. Все это создает благоприятную почву не только для тувинско-китайского сотрудничества, но и расширения и укрепления китайского присутствия в Туве.

Если в прошлые века китайцы из Тувы вывозили пушнину, скот, маральи рога, медвежью желчь и прочую «мелочь», то сейчас они претендуют на вывоз сырья, что, безусловно, свидетельствует об ином качестве и размахе,

но прежнем содержании китайского присутствия в Туве. Как в прошлом, так и в настоящем китайцы продолжают делать то, что выгодно для них и убыточно для тувинцев. Хотя чисто внешне все рамки приличия вроде соблюдены.

Тувинско-русские отношения

Вопросу тувинско-русских взаимоотношений Менхен-Хельфен уделяет ничуть не меньше внимания, чем китайскому присутствию в крае. Если к моменту его визита китайцев в стране осталось немного, то русские, напротив, прибывали сюда целыми колониями. Исследователи выделяют четыре этапа переселения русских в Туву.

На первом этапе (1880–1906 гг.) в Туву переселялись, незаконно пересекая китайскую границу, наиболее предприимчивые старообрядцы, гонимые и преследуемые царской администрацией. Именно на этом начальном этапе стихийного потока и возникли в северной части Тувы первые два русских поселения — Туран [10] и Уюк. Старообрядцы надеялись, что в этой далекой стране они не только обретут новые возможности ведения традиционно-общинного хозяйства, но и сохранят свои религиозные верования.

На втором этапе (1907–1911 гг.) миграция приняла более целенаправленный характер, обусловленный осознанной заинтересованностью местной русской администрации укреплять свои позиции в Туве, создать опорные пункты для дальнейшего освоения края. На этом этапе были основаны русские поселки в Улуг-Хемском и Каа-Хемском кожуунах (Атамановка, Знаменка, Никольское). Численность русских на тот момент достигала более 2 тыс. человек; они были разбросаны по 116 населенным пунктам. Основная их часть селилась деревнями, купцы и кулаки — хуторами [11].

На третьем этапе (1911–1916 гг.) в связи с захватом земель тувинских аратов межэтнические отношения между русскими переселенцами и местным населением существенно обострились. Переселение русских в Туву вступило в этап правительственного патерна-

лизма, чему в немалой степени способствовало создание органов Переселенческого управления. После принятия Тувой протектората России в 1914 г. здесь было образовано переселенческое управление, призванное регулировать процесс принятия новых граждан.

На четвертом этапе (1917-1921 гг.) обострение отношений на межэтнической почве имели дальнейшее продолжение. К ним добавились также разногласия внутри самих русских, между их разбогатевшими старожилами и вновь прибывающими бедными мигрантами [12]. А.П. Беннигсен в своем докладе о Русском деле в Урянхайском крае отмечает: «Не могу сказать, чтобы жили наши купцы дружно. Постоянные недоразумения происходят от того, что наши торговцы строят заимки, не спросившись сойотов (тувинцев — М.М). Урянхайцы (тувинцы — М.М) готовы пускать к себе сколько угодно русских, но с тем условием, чтобы они жили поселками, в определенных местах, они им тогда дадут право строить дома с крышами, отведут им земли для пашен. Но купцы наши не хотят жить вместе — будут соседи тоже купцы, будут конкуренты, и это-то им нежелательно» [13].

Что касается взаимоотношений между русскими и тувинцами, в целом они носили мирный характер. По свидетельству В. Дашкевича, первые попытки проникновения русских в Туву сопровождались грабежами и даже убийствами купцов, поджогами их домов. Однако настойчивость и энергия русских, действовавших очень осторожно и последовательно, не допуская с своей стороны никаких правонарушений, и, главное, поддерживающих добрые отношения с тувинскими властями, привели к тому, что между ними установились дружественные отношения [14].

Н. Москаленко считает, что сближению двух народов в немалой степени способствовало умение использовать русскими спецслужбами психологического фактора. В качестве доказательства она приводит инструкцию, составленную усинским пограничным начальником А. Чириковым, в которой сказано: «Основная цель каждого русского обывателя, а тем более агента внушать и объ-

яснять русским, проживающим в Урянхае, что они смотрят на урянхайцев как на своих братьев, а поэтому будут обходиться с ними по-христиански, по-братски. Русские должны дать понять урянхайцам, что край этот мы не считаем китайским. Всеми силами стараться доказать, какое зло приносят им китайцы, продавая им свою водку и открывая кредит. Что все это может быть прекращено, если они обратятся к русской власти о подданстве. В то же время каждый из нас должен зорко следить и внимательно прислушиваться ко всему происходящему в Урянхае» [15].

По мнению тувинского историка В. Март-оола, тувинско-русской дружбе способствовала исключительная толерантность, в одинаковой мере присущая двум народам. Он также отмечает большую веротерпимость как со стороны тувинцев, так и со стороны русских [16]. Последние, как известно, принесли с собой в Туву христианскую веру двух направлений — православие, представлявшее собой официальную религию бывшей Российской империи, и старообрядчество, образовавшееся в результате раскола того же православия в ходе реформ Патриарха Никона в 50-е годы XVII в. Благодаря этому в Туве появились объединение евангельских христиан-баптистов и община старообрядцев-беспоповцев. Местами их компактного проживания стали Бейсэ и Хемчикский (современные Каа-Хемский, Пий-Хемский, Улуг-Хемский, Тандынский, Дзун-Хемчикский и Тоджинский) кожууны. Первый православный храм появился в Туране в 1910 г., а в 1914 г. была построена Троицкая православная церковь в Кызыле [17].

«Начиная примерно с 1840 г., — пишет Менхен-Хельфен, — между тувинцами и пограничными минусинскими казаками устанавливается меновая торговля. Казаки привозили олово, сукно, кольца и прочую дребедень, словом тот ассортимент товаров, которым европейские народы всегда выманивали у диких народов скот, шерсть и, главным образом, пушнину». Русские ввозили также в большом количестве «опий для народа» — так Менхен-Хельфен называет религиозные принадлежности, которые привозились из

России взамен китайским. На тувинском потребительском рынке появились также самовары, тазы, железные печи, чайники, котлы и сельхозинвентарь. Несмотря на то, что в Туве существовал запрет на ввоз алкоголя, русские сумели уговорить тувинское правительство снять его. Так к тувинцам впервые попала русская водка. Позже русские открыли спиртовой трест и стали выпускать водку в неограниченном количестве. В результате этого процент пьющих в Туве резко возрос — с 10% до 35% [18].

Вслед за этими «случайными торговцами» не замедлили появиться и «матерые купцы». Среди них оказался некий купец Веселков, который в 1863 г. одним из первых пересек Саяны. Он привез в Туву товары на сумму около 4 тыс. рублей и открыл здесь небольшой торговый склад. Его торговая деятельность носила неоднозначный характер. За пару иголок или блестящих пуговиц он умудрялся получать «стада быков и выючных животных, нагруженных овечьими шкурами и мехами». Только за первый год своей хищнической торговли он сделал выручку на 25 тысяч рублей;

по тем временам это были баснословные деньги. Этим он вызвал возмущение и негодование у тувинцев, которые в 1867 году в отместку сожгли весь его склад. На это русское правительство ответило вводом войск в Туву и «заставило тувинцев возместить убыток в сумме, значительно превосходящей действительную стоимость товаров». Тувинцам пришлось компенсировать Веселкову его потери, он получил с них 450 голов скота. В 1878 году, то есть 11 лет спустя после этого инцидента, тувинцы перебили всех русских купцов в районе Хемчика [19].

Вслед за Веселковым приехали купцы Сафьянов и Бяков; впоследствии они осели в Туве и открыли здесь свои фактории. Затем последовали крестьяне-кулаки; наиболее известными торговцами среди них были Вавилин, Медведев и Сватиков. В 1883 г. торговой деятельностью в Туве занимались 13 русских купцов. «Русские купцы открывали детски-наивным тувинцам широкий кредит, — пишет Менхен-Хельфен, — за что брали только 100% годовых и бессердечно взыскивали общий долг и ростовщические проценты». Китайским вла-

Тибетские монахи делают Мандалу. 2007 г.

стям не нравилось подобное вторжение русских в Туву, однако активных попыток противостоять этому они не предпринимали [20].

Русские товары далеко не сразу завоевали тувинского потребителя; ассортимент китайских товаров устраивал его больше, так как он лучше соответствовал нуждам кочевого быта. Хотя тувинцы и прозвали китайцев за их склонность к спекуляции «желтыми чертями», все-таки товары они предпочитали покупать у них. Купец Сафьянов отмечал, что китайская торговля идет намного успешнее, поскольку китайцы предлагают тувинцам подходящую для них одежду и обувь, принадлежности к сбруе и седла, без которых немислима их жизнь, а также соответствующие их вкусам украшения и посуду и, наконец, предметы буддийского культа, занимающего в жизни тувинцев господствующее положение [21]. Кроме того, китайские купцы по сравнению с русскими имели больше возможностей для своей деятельности в Туве, так как получали всемерную поддержку со стороны китайской администрации. В 1903 г. улясуйский цзянцзюнь разрешил им свободно въезжать в Туву без документов, в то время как для тувинцев, желавших по делам попасть в Монголию и Китай, он не предоставлял аналогичных условий.

За привозимые товары Тува расплачивалась основным богатством — скотом, вывоз которого в Россию шел через Тункинскую долину в Иркутск, через Минусинск и Алтай в Томск и другие крупные города Западной Сибири. Вывозили из Тувы и скотоводческое сырье, особенно кожу, высшие сорта пушнины (соболь, бобр, лисица, выдра, колонок).

Одновременно с купцами в Туву проникали политические ссыльные, золотоискатели, бывшие батраки, каторжане и авантюристы разных мастей. Особую активность проявляли золотоискатели. Не имея при себе никакого официального разрешения на добычу золота в Туве, они тем не менее прочно обосновывались в Тоджинском, Пий-Хемском и Улуг-Хемском кожуунах, где имелись не только плодородная почва, богатая флора и фауна, но и золотые прииски. Впервые золото

здесь начали добывать в 1838 году. Люди тогда работали в одиночку или в паре, способы их добычи были крайне примитивными. Значительно позже — в 1870-1880-х годах — здесь уже работали специализированные артели. За все это время ими было добыто 9 тыс. килограмм драгоценного металла. В 1910 г. начались разработки уже на северном склоне хребта Танну-Ола и в западной части долины Элегеста. В 1914 г. в эксплуатацию были пущены современные машины, что значительно облегчило процесс добычи золота [22].

В 1929 г., когда Менхен-Хельфен приехал в Туву, уже действовал Русский государственный золототрест, который был укомплектован разными специалистами, среди которых были не только золотодобытчики, но и инженеры-исследователи, геологи и многие другие. Они нашли в недрах Тувы огромные залежи асбеста, меди, графита, железной руды и прочих богатств. К этому добавлялись еще богатые пушным зверем леса, кишасшие рыбой реки и озера, богатые разнотравьем пастбища. Все это открывало безграничные возможности для русских колонистов, поэтому не удивительно, что Россия стала усиленно интересоваться Тувой. Русские стали жить здесь так же, «как жили их деды и прадеды в Вятке и Тамбове»; разница состояла лишь в том, что в домах предков находилась только икона, в то время как в домах колонистов рядом с иконой висели портреты Ленина, Буденного или Ворошилова. Русские чувствовали себя «носителями культуры» в этом «темном невежественном краю язычества». Слово «юрта» в их устах звучало презрительно, они его «не выговаривали, а выплевывали»; для них это был всего лишь «грязный войлок» без окон и печи, без стола и стульев. Такое жилище не пригодно для христиан, а потому они стали строить свои русские дома. Возмутительным Менхен-Хельфен нашел и то обстоятельство, что тувинская армия, насчитывавшая в своих рядах 1600 человек (при общей численности 60 тыс. чел.), имела русских инструкторов. А этого, как он считает, вполне достаточно, чтобы сделать весь народ послушным орудием в своих руках [23].

Следует заметить, что во многих работах, посвященных истории Тувы конца XIX—начала XX вв., приход русских в край расценивается как колонизация. И книга Менхен-Хельфена, как мы видим, не была исключением. Однако специалисты считают, что этот термин используется исключительно «в случае насильственного захвата территории, принадлежащей другим, как правило, более отсталым в экономическом плане народам». В качестве классического примера они приводят Америку, Африку и часть Азиатского материка, но форму «колонизации» Тувы не рассматривают как классическую и настаивают на термине «переселение» [24]. Эту точку зрения разделяют и многие тувинские исследователи.

На рубеже XIX—XX вв. под влиянием новых, довольно крупных русских предпринимательских хозяйств и небольших промышленных предприятий в социально-экономической жизни тувинского общества появились новые формы общественных отношений. Большинство действовавших в Туве русских предприятий основывались на принципах буржуазной собственности; некоторые из них, в основном кулацкие хозяйства, золотые прииски и небольшие частные предприятия, втягивали часть тувинцев в сферу новых товарно-денежных отношений, которые не могли не оказать влияния на общую экономику и социальную жизнь Тувы. Под влиянием этих новых тенденций натуральное хозяйство тувинцев и их патриархально-феодалные социальные отношения стали постепенно разлагаться; начал складываться местный рынок, тесно связанный с Сибирью и Россией; появился наемный труд. Тувинцы нанимались на золотые прииски в качестве черноработчих, шли работать за мизерную оплату к иноземным купцам, а также к русским предпринимателям и кулакам. П.Е. Островских наблюдал, как некоторые ламы, принадлежащие к низшему и среднему сословию сангхи, нанимались в качестве работников на русские фактории, где они косили сено, ухаживали за лошадьми, сторожили торговые объекты [25]. На этом фоне резко возрастала классовая диф-

ференциация, сопровождавшаяся обеднением подавляющей части местного населения. Эти изменения в совокупности способствовали возникновению зачатков капиталистических отношений, элементы которых в зародышевой форме проступали в производстве, организованном не только русскими, но и тувинскими предпринимателями, что в целом было важным моментом в развитии социальных отношений в Туве. Наиболее яркой фигурой, воплощавшей этот новый тип, был крупный богач и торговец Ажыкай, живший на Элегесте и Межегее; он вел успешную торговлю с русскими и китайцами.

Таким образом, развитие торговли с русскими, открытие русской золотопромышленности в Туве в конце XIX в., переселение сюда на постоянное жительство крестьян из разных губерний России положили конец той ситуации замкнутости, изоляции тувинской экономики, в какую ее поставили маньчжуро-китайские завоеватели.

Сегодня в республике проживает 310 тыс. человек; из них тувинцы составляют 77%, русские - 20,1%, на долю остальных приходится 2,9%. Русские в основном живут в городах (удельный вес городского населения - 51,5%).

Несмотря на то, что русские живут в Туве с 1880-х годов, приобщение тувинцев к русскому языку, т.е. массовое распространение русского языка среди коренного населения началось лишь в 1950-е годы.

В настоящее время в Туве, как и в других национальных субъектах Российской Федерации, существуют три типа школ: тувинская, русская и смешанная. В тувинских школах учатся преимущественно дети коренной национальности. В них обучение с 1 по 7 классы ведется на тувинском языке, а русский преподается как предмет с подготовительного по 11 класс, а с 8 класса преподавание всех предметов полностью переходит на русский язык. В русских школах помимо учащихся русской национальности немало учится детей и из тувинских семей, последних часто отличает крайне слабое или полное незнание родного языка. В смешанных школах преподавание ведется на тувинском или русском языках в

зависимости от состава учащихся в классах. По данным 2003 г., всего в республике существует 167 школ, из них тувинских — 134, русских — 7, смешанных — 26.

Надо заметить, что в советское время национальная школа не пользовалась таким успехом и спросом как сейчас, наоборот, многие городские тувинцы направляли своих детей в русские школы, считая образование на русском более престижным и перспективным. В результате подобной ориентации и образовался тот слой тувинцев, правда, незначительный, который не знает своего родного языка. Однако нельзя сказать, что у таких тувинцев с утратой родного языка произошла смена этнического самосознания.

Тува, таким образом, несмотря на то, что позже других союзных и автономных республик вступила в состав СССР, все же сумела за сравнительно короткий исторический срок почти догнать население других национальных республик как по уровню владения русским языком, так и по масштабам распространения тувинско-русского билингвизма.

Сегодня русский является родным языком не только для этнических русских, но и для миллионов граждан других национальностей, в том числе тувинцев. Кроме того, русский язык относится к немногим мировым языкам, наряду с английским, испанским, французским и арабским. На нем функционирует одна из крупнейших мировых культурных цивилизаций (Тишков 2001, с.218). Он является культурной собственностью и капиталом тех тувинцев, которые поставили перед собой цель расширить горизонты жизненного пространства. Знание ими русского способствует восприятию более широких мировых культурных ценностей и широкому взаимодействию в международном масштабе.

Тувинско-тибетские отношения

Менхен-Хельфена очень интересовали связи Тувы с Тибетом, в частности, ему хотелось узнать, насколько плодотворны и регулярны контакты между тувинской и тибетской сангхой. В Верхне-Чаданском монастыре он знакомится с тувинским монахом, который

до этого много лет провел в Сиккиме и Ладаке (Северная Индия), постигая премудрости буддийского учения, а также с монахом-тибетцем, которого все почитали как святого. В последнем случае речь, по всей вероятности, шла о тантрическом мастере, ибо то, что делал этот монах, подвластно лишь практикам, достигшим высокой духовной реализации. Местные люди его часто видели зимой полуголым, сидящим на снегу и читающим вслух священные сутры. «Он путешествовал удивительно быстро, — пишет Менхен-Хельфен, — сегодня вечером он исцеляет больного, а завтра утром он за 150 км на другой стоянке, где он приобретает в несколько недель огромные стада и раздает их бедным пастухам. Он говорит по-русски, был в первые годы революции в Москве, но никто не знает, что он там делал, и его считают агентом Далай-ламы». Однако немцу так и не удалось узнать его настоящее имя; в народе его называли просто «тибетским монахом» [26].

В этом же хурэ Менхен-Хельфен знакомится с его настоятелем Монгушем Лопсан-Чимитом, с человеком весьма известным и уважаемым в обществе. О нем он пишет следующее: «Высокий монах, лет пятидесяти, почти совсем седой, принял меня очень радушно в своей юрте, на монастырском дворе. Войлочная циновка, спальный матрац, три-четыре деревянных сосуда — это все, что составляло скудную обстановку. Против входа стоял скромный алтарь, рядом лежали священные книги — *ном*. Во время нашего разговора он сохранял застенчивую и смущенную улыбку, держал взор опущенный вниз, перебирал пальцами четки... Меня угощали печеньем, кирпичным чаем и цампой (тув. далган)». Вдруг на алтаре среди фигур и картинок, изображающих буддийских божеств, Менхен-Хельфен увидел портрет Далай-ламы ХШ. Разговор коснулся Тибета. Когда он спросил, имеются ли контакты между Тувой и Лхассой, Лопсан-Чимит начал «испуганно отрицать», из чего Менхен-Хельфен делает вывод: «Он наверняка знал, что я был знаком с Нацовым (сотрудником ГРУ — М.М). Я не хотел делать неприятности этому приветливому старому

человеку и перевел разговор на другие темы».

К беседе с Лопсан-Чимитом вскоре присоединился другой монах, которого звали Эренчин. Это был монгол по происхождению, «веселый, забавный, общительный старый человек, скептик и насмешник, только что приехавший как представитель своего монастыря из Урги... Вместо монгольских высоких сапог у него были модные желтые ботинки; в кожаном чемодане лежала бутылка-термос; он хорошо разбирался в китайской политике, но очень осторожно говорил о России» [27].

На этом общении у Менхен-Хельфена с представителями буддийской сангхи исчерпывается. Обо всех остальных монахах он отзывается весьма нелестно и в целом не скрывает негативного отношения к этим «толпам тунядцев», паразитирующих на теле трудового аратства. О буддизме в Туве он сообщает следующее: монастыри здесь «нельзя считать бедными»; из 150 тысяч бодо 18 тысяч принадлежит монастырским хозяйствам; с 1928 года монастыри облагаются налогом; монастырский скот постепенно переходит в казну государства; в целом для тувинских лам наступают тяжелые времена; «кельи монахов представляют собой идиллию семейного счастья» — представители сангхи почти все имеют жен и детей, хотя по монашескому уставу они должны быть безбрачными, — такое положение «никого не шокирует». Непосредственных сношений с Тибетом Тува больше не имеет, однако паломничество в Ургу и поездки тувинцев в Тибет через Монголию до сих пор продолжаются.

Поскольку религиозные верования с самого начала были объектом пристального внимания Менхен-Хельфена, он пытается разобраться, кем же тувинцы являются в большей степени — шаманистами или буддистами. В первую очередь его внимание привлекают жертвенные кучи - *оваа*, которые встречались повсюду. «Длинные жерди связаны конусообразно, — пишет он об *оваа* — в середине... устроен алтарь из маленьких плоских камней, на котором стоят различные фигуры. Обычно эти фигуры вырезаны из дерева, но вблизи русской границы я видел фигуры из

хлеба: медведи, птицы, скот, черепахи», но встречаются и более художественные *оваа*. Далее он обнаруживает шаманские охранители — *ээрены*, которые встречаются в каждой юрте. «Нередко здесь же стоит барабан, — отмечает Менхен-Хельфен, — указывающий, что люди, здесь живущие, не только верили в духов, но что один из живущих даже в состоянии их вызывать. И это происходит в Туве, где уже столетиями живут ламы». Далее он пишет: «Каждая юрта имеет свой домашний алтарь, каждый тувинец молится буддийским богам. Но старое язычество также живо, как оно было до того, когда «солнце учения Будды» согрело души тувинцев. Тувинцы по сегодняшний день темные язычники». Менхен-Хельфен считает, что шаманизм и буддизм «так переплелись между собой, что трудно узнать, что в этом веровании еще осталось буддийского, за исключением бессмысленно зазубренных тибетских молитв»; он также уверен, что буддизм «не принес тувинцу ничего другого, как обязанность содержать шайку паразитов и обогащенный пантеон» [28].

Несмотря на нескрываемую антипатию к представителям сангхи, Менхен-Хельфен в то же время весьма положительно отзывается о тибетской медицине, которая, как известно, была составной частью буддийского учения и как специальная дисциплина изучалась в монастырских школах. Здесь он, безусловно, противоречит самому себе.

Когда речь заходит о тибетской медицине, Менхен-Хельфен с увлечением и даже с некоторым восторгом описывает методы и средства лечения тибетской медицины. Например, мы узнаем, что при воспалении суставов ламы-лекари прописывали сусальное золото в минимальных дозах. Растертые в порошок золото, серебро, медь и железо считались сильнодействующими препаратами, которые назначали при болезнях сердца и легких. При кашле и глистах рекомендовали принимать свинец; порошкообразный жемчуг считался прекрасным средством при отравлениях. Бирюза, коралл, ляпис-лазурь, янтарь, агат, гипс, рубин и сапфир также применялись в виде порошка при самых различных заболе-

Артисты Тувинского государственного ансамбля «Саяны»

ваниях. Известью лечили язву, ртутью — сифилис, собачьим языком — переломы костей, пухом дикой утки — задержку мочи, рогами антилопы — диарею и лихорадку, козьей кровью и слоновой кожей — оспу, овечьими мозгами — головокружение, лошадиными копытами — воспаление желез, мускусом — запоры. Некоторые способы врачевания показались Менхен-Хельфену и вовсе экзотическими. Например, пеплом обезьяньей кости ускоряли роды, козьими мозгами восстанавливали разорванные сухожилия, змеиный жир применяли для удаления пули из тела, медвежьей желчью останавливали кровотечение, а при кровотечении из носа нюхали черную тушу.

Менхен-Хельфен признает, что по некоторым показателям тибетская медицина превосходит европейскую. Так, когда в соседней с Тувой Бурятии разгорелась эпидемия тифа, за лечение больных одновременно взялись европейские врачи и ламы-лекари; при этом результаты у последних оказались достаточно высокими. Безусловно, здесь немаловажную

роль сыграло и то обстоятельство, что местное население по привычке больше предпочитало европейской медицине тибетскую. Пример из жизни того же самого Нацова, на которого неоднократно ссылается Менхен-Хельфен, подтверждает это. В юности Нацов учился в монастырской школе; он неплохо владел тибетским языком. И хотя со временем он стал безбожником, поклонником русской науки и коллекционером томов Маркса и Энгельса, тем не менее, когда болел, он обращался в тибетскую клинику. От сложной формы туберкулеза его спасли не русские врачи, а «порошки тибетской медицины», они «сделали его опять таким же жирным и гладким, каким он был раньше». Однако когда началась чистка в партийных рядах, вопрос перед тувинскими коммунистами ставился вполне конкретно: лечился ли ты у ламы? Как утверждает Менхен-Хельфен, коммунист, который обратился к ламе за лечением, считался запятнавшим себя позором; предпочтительнее было быть мертвым, нежели выздоровевшим при

помощи тибетской медицины [29].

Почему Менхен-Хельфен дает столь противоречивые сведения? Очевидно, это объясняется тем, что он приехал в Туву как раз в то время, когда здесь шла широкомасштабная антирелигиозная компания. Буддийские монастыри и ламы уже не пользовались таким спросом и успехом, как раньше; шаманы также оказались в списке «неблагонадежных лиц». К моменту вхождения Тувы в состав СССР на ее территории уже не действовало ни одного буддийского храма; многие ламы и шаманы были репрессированы, часть их сослали в лагеря. В годы социализма о религии вообще забыли как о пережитке прошлого.

Религиозные традиции стали востребованными только в период перестройки, которая началась с приходом к власти в СССР М.С. Горбачева в 1985 г. Для буддийских регионов России – Калмыкии, Бурятии и Тувы – это стало поводом для возрождения традиционной национальной культуры, и, конечно, религии как ее составной части. Первый буддийский храм, ознаменовавший возрождение буддизма в Туве, появился в конце 1990 г. в сумоне Кызыл-Даге Бай-Тайгинского кожууна. Инициаторами его строительства были местные жители.

В сентябре 1992 г. состоялся первый в истории официальный визит правительственной делегации Тибета во главе с Далай-ламой XIV в Туву. Этот визит, с одной стороны, стал поводом для закладки нового фундамента в тувинско-тибетских культурных связях, с другой, послужил мощным толчком в деле возрождения буддизма в Туве. Большую роль здесь сыграл и фактор личности Далай-ламы – он один из ведущих духовных авторитетов современного мира, лауреат Нобелевской премии и просто обаятельный человек.

В начале 1993 г. в Москве был создан Центр тибетской культуры и информации, который начал действовать под патронажем Его Святейшества Далай-ламы XIV. Одной из основных целей его деятельности явилось оказание помощи в возрождении духовной культуры народов России – калмыков, бурят, тувинцев, – на протяжении веков исповедовавших ти-

бетскую форму буддизма.

Для осуществления этой цели Центр организовал летом 1993 г. первую поездку официального представителя Далай-ламы в России геше Джампа Тинлея в Калмыкию, Бурятию и Туву. Важнейшим направлением его деятельности является чтение лекций по буддийской философии, которые всегда проходят с неизменным успехом; жители республики, пожалуй, не посещают ни одно мероприятие с таким желанием и энтузиазмом, как лекции тибетского учителя.

В рамках двустороннего тувинско-тибетского соглашения о взаимном сотрудничестве в области религии в августе 1995 г. в Туву приехали два тибетских учителя – геше Лопсан Тубтен и гелонг Такпа Гьятцо; в феврале 1996 г. приехал гелонг Пенде Гьялцен, в начале 1999 г. – тибетский монах Сопа Гьялцен, до этого живший и работавший в Бурятии. В настоящее время все они получили российское гражданство и живут в Кызыле. Наставнической деятельностью занимаются геше Лопсан Тубтен и Сопа Гьялцен, остальные сняли с себя монашеский сан, обзавелись семьями и занялись бизнесом, чем не только огорчили ортодоксальных буддистов, но и поколебали авторитет тибетских учителей, которые выгодно отличались от местных лам своей образованностью и умением грамотно проводить обряды и ритуалы. К удивлению многих в мирскую жизнь вернулся и геше Джампа Тинлей. Сначала он добровольно сложил с себя обязанности официального представителя Далай-ламы XIV в России, затем сложил монашеские обеты, что в буддизме допускается и грехом не считается. Впоследствии геше Тинлей женился на гражданке России. Казалось бы, его карьера духовного наставника завершилась. Однако от наставнической деятельности Тинлей не отказался; он по-прежнему продолжает ездить с лекциями по стране и собирать большие аудитории. Он продолжает оставаться главным популяризатором буддизма в России.

В феврале 1997 г. на учебу в Индию выехала первая группа тувинских хуураков, состоящая из пяти человек; по прибытии они были при-

няты в монашескую общину Дрейпунг Гоман дацана (на юге Индии, в штате Карнатака), который является наиболее подходящим местом получения образования для тувинских, калмыцких, бурятских и монгольских юношей, поскольку он придерживается традиционной для этих народов школы Гелугпа. По данным 2008 г., в этом дацане обучается пятнадцать юношей из Тувы.

В сентябре 1997 г. в Кызыле состоялся Все-тувинский учредительный съезд буддистов Республики Тыва, на котором был избран камбы-лама — верховный глава централизованной буддийской организации и два его заместителя, которые впоследствии образовали Управление Камбы-ламы Республики Тыва (УКЛРТ). Это событие стало началом оформления институциональной сферы буддийских общин в республике.

Небольшой социологический опрос, проведенный среди участников съезда, показал следующее: 60% опрошенных высказались за возрождение и развитие исторически сложившегося тувинского варианта буддизма; 25% отдали предпочтение классическому тибетскому варианту; 15% сочли возможным развитие тувинского буддизма с использованием тибетского варианта. На вопрос, как они отнесутся к женскому монашеству, если оно появится в Туве, 75% опрошенных дали положительный ответ [30].

За период с 1995-2008 гг. заметно активизировались отношения с тибетцами. Так, в апреле 1996 г. по приглашению местных буддистов приезжал геше-лхарамба (тув. гаарамба) Чамьян Кензе, постоянно живущий и работающий в Санкт-Петербурге. Он дал своим слушателям наставления по Ламриму — основному путеводителю для мирян-буддистов. В августе 1997 г. Туву посетила правительственная делегация Тибета в составе премьер-министра Галсана Еши, министра культуры Кирти Римпоче и секретаря Центра тибетской культуры и информации в Москве Таши Делека. Целью их визита стало обсуждение вопросов, связанных с дальнейшим сотрудничеством двух народов. В августе 1998 г. в республике побывал Еши-Лодой Римпоче,

живущий и работающий в Бурятии. Он дал наставления народу по Гуру-йоге. В октябре 1999 г. по приглашению правительства Тувы с официальным визитом приезжал Богдо-гэгэн Джебцун Дамба хутухта IX, который также дал народу Учение и освятил несколько новых буддийских храмов, в том числе два храма в столице. В сентябре 2003 г. он повторил свой визит в Туву, на этот раз по поручению Далай-ламы XIV дал народу Посвящение в Калачакру Тантру, считающейся одной из самых закрытых и сложных учений буддизма. На это событие съехались не только жители из кожуунов, но также прибыли паломники из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Монголии и Бурятии. В общей сложности в Посвящении приняли участие свыше 50 тыс. человек. В августе 2000 г. пожаловал настоятель Дрейпунг Гоман дацана геше-лхарамба Цулгим Пунцок, с которым Управление Камбы-ламы подписало соглашение о подготовке новой группы тувинских хуураков. Начиная с 2004 г., Туву ежегодно посещают монахи тантрического монастыря Гьюрмед. Они дают народу высокие тантрические Посвящения и лекции по различным аспектам буддизма. Все лекции и Посвящения с тибетского языка переводятся на русский, что делает их доступным для русских жителей республики [31].

Между тем Министерство иностранных дел Китая, обеспокоенное ростом популярности Далай-ламы и растущим интересом россиян к тибетскому буддизму, стало все чаще выступать с нотой по поводу нежелательности визитов духовного лидера Тибета в Россию. Именно по этой причине не состоялись запланированные визиты Далай-ламы XIV в Бурятию, Калмыкию и Туву в 1998, 2000, 2003, 2005 гг., как бы этого не хотели жители этих республик. В немилости у китайских властей оказался и геше Джампа Тинлей, которому в России удалось сделать то, что под силу только сильной и многочисленной команде наставников. Благодаря его инициативе и активности буддийские общества открылись и начали действовать в городах «небуддийской ориентации» — Москве, Санкт-Петербурге, Омске, Уфе, Новосибирске, Красноярске и др.

Однако это только способствует дальнейшему росту популярности Тибета не только в буддийских республиках, но и в России в целом. Учитывая это обстоятельство, российские туроператоры ежегодно организуют туры в Тибет, которые пользуются неизменным успехом у всех слоев общества. В эту далекую и загадочную страну отправляются как простые паломники, так и российские политики, бизнесмены и звезды шоу-бизнеса.

Сегодня портреты Далай-ламы, плакаты с изображением Поталы в Лхасе, кассеты с тибетской медитативной музыкой, украшения с буддийской символикой тибетского производства, герб и флаг Тибета можно приобрести в специализированных магазинах и киосках Кызыла. Люди с удовольствием смотрят документальные и художественные фильмы о Стране вечных снегов, особенно популярны фильмы «Маленький Будда», «Семь лет в Тибете», «Кундун». Видеокассеты с их записями хранятся во многих домах. Небольшой город Дхарамсала в Северной Индии, где находится тибетское правительство в изгнании во главе с Далай-ламой XIV, стал настоящей Меккой для российских буддистов. Число тувинских юношей и девушек, отправляющихся туда, увеличивается из года в год. Многие из них оседают там надолго.

Со времени визита Далай-ламы XIV в Туву произошли значительные изменения в духовной жизни тувинского общества. За это время буддийские храмы появились во всех кожуунах республики. В Кызыле действуют четыре храма: Тувдан Чойхорлинг, Ганданпунцоглинг, Ташипанделинг и Цеченлинг. Последний стал официальной резиденцией камбы-ламы. В Министерстве культуры положительно решен вопрос о восстановлении на прежнем месте Верхнечаданского хурэ, который в свое время посетил Менхен-Хельфен. Он тогда застал его в состоянии упадка: стены маленьких храмов были обстреляны отрядом китайцев под предводительством «маленького Гсю»; основной храм не ремонтировался много лет; головы

двух газелей на крыше, олицетворяющие колесо Учения, были разрушены [32].

И только в начале XXI века храм вновь привлек к себе внимание. Из федерального бюджета на его восстановление выделены средства. В перспективе этот храм будет взят под охрану ЮНЕСКО как памятник, представляющий особую историческую и культурную ценность. В прошлом это был единственный храм в Туве, построенный по канонам тибетской архитектуры (остальные строились в стиле китайских пагод).

Однако сотрудничество Тувы с Тибетом носит не только культурно-религиозную, но и политическую окраску. Так, в августе 1994 г. было создано республиканское общество «Друзья Тибета». В первые годы общество в основном занималось вопросами взаимодействия с тибетцами в области буддизма в рамках двустороннего тувинско-тибетского культурного сотрудничества. Постепенно в своей деятельности оно стало больше внимания уделять таким политическим акциям, как объявление голодовок, проведение дней Тибета в Туве, участие в международных конференциях групп поддержки Тибета и т.д. Такие акции, главным образом, имеют цель привлечь внимание общественности к современному положению Тибета и тибетского народа в Китае.

В заключении книги Менхен-Хельфен задается вопросом: «Что сделается с тобой Тува? Милая Тува, красивая Тува, жалкая Тува, что сделается с тобой? Останешься ты русской? Станешь ли ты китайской?» [33].

После прошедших 80 лет ответить на этот вопрос вовсе не сложно. Тува, как мы видим, стала частью Российской Федерации, что дало ей возможность активно интегрироваться в общероссийское культурное пространство. Вместе с тем Тува не утратила окончательно связей ни с Китаем, ни и Тибетом. Диалог культур продолжается. Насколько он будет плодотворным и взаимовыгодным, покажет время.

Литература

1. Монгуш М.В. Тувинцы Монголии и Китая. – Новосибирск, 2002. – С.17, 23.
2. Архив ВПРФ. Фонд 153. Описание 7. Папка 3. Дело 6.
3. Менхен-Хельфен О. Путешествие в азиатскую Туву. – Берлин, 1931 (рукопись русского перевода). – С.75, 78,

- 81, 90–91.
4. Там же. – С.58–67, 67–71, 121–123, 147.
 5. Там же. – С.86–87.
 6. Там же. – С.87–88.
 7. Архив ВПРФ. Фонд 153. Опись 6. Папка 3. Дело 11. – Л.16.
 8. Менхен-Хельфен. Указ. Соч. – С.68.
 9. См. сайт www.tuvaonline.ru
 10. Моллеров Н.М. Основание и развитие г. Турана в конце XIX-начале XX века. Исторический очерк // УЗ ТИГИ. – Вып. XX. – Кызыл, 2003. – С.61–85.
 11. История Тувы. Под ред. С.И.Вайнштейна и М.Х.Маннай-оола. – Т.1. Изд. второе. – Новосибирск., 2001. – С. 294.
 12. Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы. – М., 1956. – С.354–356, Анайбан З.В. Межнациональные отношения в Туве в 1990 годы. – М., 1999. – С.64–65.
 13. Беннигсен А.П. Русское дело в Урянхайском крае. – СПб., 1913. – С.30.
 14. Дашкевич В. Несколько слов об Урянхайском крае // Вопросы колонизации. – № 8. – СПб., 1911. – С.214.
 15. Москаленко Н.П. Этнополитическая история Тувы в XX в. – М., 2004. – С.47.
 16. Март-оол В.Д. «Урянхайский вопрос» и протекторат России // УЗ ТИГИ. – Вып. XIX. – Кызыл, -%-%-. – С.10.
 17. Хомушку О.М. История религии в культуре тувинцев. – М., 1998. – С.101.
 18. Менхен-Хельфен О. Указ. Соч. – С.77, 83.
 19. Там же. – С.151.
 20. Там же. – С.150–151.
 21. Сафьянов М. Колониальная политика торгового капитала в Танну-Туве // Новый Восток.— № 23-24. – С.160–163.
 22. Менхен-Хельфен О. Указ. Соч. – С.79–80.
 23. Там же. – С.79–80.
 24. Анайбан З.В., Губогло М.Н., Козлов М.С. Формирование этнополитической ситуации. Том.1. Очерки по истории постсоветской Тувы. – М., 1999. – С.32.
 25. Островских П.Е. Оленные тувинцы // Северная Азия. – Кн. 5-6. – М., 1927. – С.88.
 26. Менхен-Хельфен О. Указ. Соч. – С.114.
 27. Там же. – С.114–115.
 28. Там же. – С.103–104.
 29. Там же. – С.123.
 30. Хомушку О.М. От «опиума для народа» до «возрождения духовности» // Слово. – № 1–4. – Кызыл, 2000. – С.9.
 31. Монгуш М.В. История буддизма в Туве. – Новосибирск, 2001. – С.156.
 32. Менхен-Хельфен О. Указ. Соч. – С. 115.
 33. Там же. – С.178.